

**УДК 001****DOI: 10.34670/AR.2020.87.96.025****Культурная идентичность и конфликтные модальности****Кабылинский Борис Васильевич**

Проректор по научной работе,  
 Финансовая академия Республики Казахстан,  
 050039, Республика Казахстан, Нур-Султан (Астана), ул. Шокана Валиханова, 11;  
 e-mail: boris\_kabylinskiy@mail.ru

**Аннотация**

Разработка теоретико-методологических основ конфликт-менеджмента и имплементация технологий конфликто разрешения должны проводиться с учетом формирования культурной идентичности. В управленческой теории влияние культурных факторов на динамику конфликтных процессов не до конца исследовано и редко учитывается в ходе реализации комплекса практических мер по управлению конфликтами. В статье приведены факторы генезиса культуры, определяющие ход противоборства сторон в конфликте, рассматриваются кросс-культурные каналы передачи информации и предложена классификация механизмов принятия решений в теории и практике управления конфликтами. В настоящее время конфликт невозможно рассматривать в отрыве от культурной идентичности, проявляющейся в индивидуальном и массовом сознании. Принадлежность к той или иной культурной среде, к той или иной социокультурной общности диктует в ходе развития конфликта формат ведения переговоров, способы кросс-коммуникации, поведенческие установки, пути поиска решений выхода из конфликта и т.д. При изучении конфликтных теорий необходимо учитывать культурные различия сторон, поскольку это поможет выработать механизмы, служащие разрешению споров.

**Для цитирования в научных исследованиях**

Кабылинский Б.В. (2020) Культурная идентичность и конфликтные модальности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Том 9. № 3А. С. 233-241. DOI: 10.34670/AR.2020.87.96.025

**Ключевые слова**

Культура, конфликт, дискурс, идентичность.

## Введение

Одной из важнейших мотивирующих причин зарождающегося конфликта является культура. Свое выдающееся значение в рамках протекания этого процесса она сохраняет до самого конца, вплоть до разрешения споров конфликтующих сторон по различным вопросам – экономическим, социальным, политическим. Словно незримые, но, тем не менее, ощутимые подводные реки, дающие подпитку всему живому, культура формирует различные формы собственного генезиса и параллельно привносит новые смыслы в человеческие взаимоотношения. Кроме того, она постоянно генерирует сигналы, заставляющие каждого человеческого индивида превращаться в реципиента особых посланий, которые, в свою очередь, свидетельствуют о непрестанных изменениях во внешнем мире. Такие своеобразные месседжи, адресованные отдельному человеку, нередко определяют мировоззрение общества в целом. Каждое государство на разных этапах своего развития ощущает мощное влияние культуры, которое распространяется на ее граждан, независимо от их пола, возраста и других идентификационных характеристик. При этом граждане страны часто переживают процесс осознания собственной культурной идентичности, не отдавая себе в этом отчета. Это происходит, скорее, на бессознательном уровне. Таким образом, культура опосредованно может влиять на возбуждение конфликтных ситуаций, которые определяются причинами и факторами, лежащими за границами привычного восприятия жизни и окружающего мира.

## Основная часть

Что есть культура? В своей совокупности она, безусловно, всегда воспринимается гораздо шире, нежели предпочтения того или иного народа в одежде, особенности кухни каждой отдельно взятой страны, закрепленный среди ее населения язык и так далее. Разумеется, выделяются различные культурные группы, в основе возникновения которых лежит тот или иной признак, оказывающийся ключевым для ее представителей. Так, к примеру, люди могут объединяться в отдельные культурные группы, исходя из своей принадлежности к конкретной расе, к этносу, к гражданству. Культурная идентификация человека тесно связана со свойствами его идентичности, а именно с тем, как он представляет себе собственную принадлежность к социальным, политическим, языковым, религиозным группам и другим социокультурным общностям. Влияние культуры сопрягается и с сексуальной ориентацией человека, и с его общественным и материальным статусом, оно затрагивает профессиональную ориентацию, и возраст, и таланты, и здоровье, в том числе физическую неполноценность, и другие характеристики, аккумулируя подобные идентичности в единое целое.

Безусловно, культура, подобно тем же подводным рекам, которые не замедляют своего течения и при этом постоянно переживают собственное естественное обновление, представляет собой переменчивое явление [Софронова, 2006]. Таким образом, говоря о культуре, данное понятие можно употреблять в качестве синонима таким явлениям, как разнообразие человеческой жизни. В этом случае культура начинает играть роль некоего символа, способствующего формированию человеческой идентичности. Благодаря культурным кодам человек начинает ощущать себя представителем той или иной общности, он на генетическом уровне чувствует свою связь с другими ее членами. Получается, что через трансляцию культуры, передачу смысловых знаков и кодов человеческий индивид шаг за шагом понимает,

какое место он занимает в этом мире. Таким образом, посредством культурного воздействия и межкультурной коммуникации происходит определение идентичности – как индивида, так и социокультурной общности в целом.

Активная коммуникация внутри каждого такого сообщества протекает естественным путем по вполне определенным каналам, которые являются простыми и понятными для членов данной общности. При этом люди со стороны, словно находясь за высокими стенами, ограничивающими для них доступ к определенной зоне, не способны воспринимать эти информационные потоки, поскольку не обладают теми ключами и кодами, которые необходимы реципиенту для расшифровки получаемых сообщений.

К примеру, в некоторых социальных группах могут специально формироваться правила общения, которые будут непонятны для не вовлеченных в тему людей. Такой принцип «шифровки» часто используется в тайных обществах разных стран мира. Однако же, в ходе межличностной коммуникации индивиды могут также выбирать коммуникативные модусы, которые будут понятны лишь двум людям и при этом в глазах любого незнакомца, стороннего слушателя, наблюдателя беседы будут находиться словно за непрозрачной занавеской, за которой угадываются лишь общие контуры объектов.

Эти каналы связи помогают представителям каждого конкретного социокультурного сообщества ориентироваться внутри той группы, к которой они принадлежат. Параллельно с этим протекает еще один процесс, на который не воздействует массовое и индивидуальное сознание данной общности. Так, внутри нее естественным путем устанавливаются нерушимые границы познаваемого, то есть доступного пониманию и познанию представителей этой выделенной группы, и трансцендентного, то есть всего того, что выходит за пределы эмпирического сознания и чувственного опыта, являясь, возможно даже, предметом веры. Получается, что под влиянием культурного генотипа в рамках отдельно взятой группы происходит ряд важных процессов, связанных, опять же, с идентичностью: формируются ценности каждого индивида по отдельности и общности в целом; проявляются границы для познавательной способности человека, устанавливаются некие точки на шкале, определяющей уровень развития массового сознания внутри данного сообщества. Таким образом, благодаря разнонаправленной важнейшей функции культурной идентичности, происходит ее превращение в некую единицу измерения. И здесь начинает наглядно демонстрировать себя принцип «человек есть мера всех вещей существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют», озвученный еще древнегреческим философом Протагором, который считается одним из наиболее видных представителей софистики. Согласно этому утверждению, человек может обосновать или опровергнуть существование любого предмета или явления, с которым он сталкивается. Если проводить аналогию со значимостью и важностью культурного воздействия, то внутри отдельно взятого сообщества она может так же, как и Человек из знаменитого протагоровского высказывания, выступать мерилем всех вещей, но выражая уже не индивидуальное сознание, а массовое, народное, коллективное. Благодаря влиянию культуры на каждого отдельно взятого гражданина страны, для него становится возможным давать оценку тем или иным событиям, которые влияют на изменение общественного положения. Именно через культурное воздействие человек измеряет роль этих внешних факторов, осмысливает их значение, а также под гнетом их смыслов начинает ощущать конфликтность своего бытия.

Современный человек вынужден жить, окруженный бессчетным множеством ежесекундных провокаций, каждая из которых способна вовлечь человека в конфликт, заставить его выступать в роли субъекта, противодействующего другому субъекту с иными жизненными установками и принципами, либо обстоятельствам в целом [Швейцер, 1973]. Базовым фактором для вступления в конфликт является именно культурная идентичность. Благодаря ей каждый из нас имеет собственные представления о таких основополагающих вещах, как добро и зло, мораль и безнравственность, норма и отклонение от нормы, а также множество других противоборствующих понятий, с каждым из которых мы вынуждены сталкиваться с самого детства. Знание о том, что такое хорошо и что такое плохо, естественным образом закладывается в человека через его культурную идентичность, по сути декларирующую его принадлежность к конкретной социокультурной общности. На пути вступления человека в конфликт, на него влияет, прежде всего, такой фактор, как его изначальная жизненная позиция, его мировоззрение, сформированное в рамках его убеждений, отражающих действие массового сознания в конкретной группе. Разность интерпретаций, ощущаемая на уровне культурной идентичности, и толкает человека на конфликт, заставляя его вовлекаться во все новые споры, раз за разом отстаивать свою точку зрения, выбирать в ходе этих дебатов особенную стратегию поведения. То, что одному кажется хорошим и правильным, другому представляется вопиюще недопустимым: так внутри нас работает в практической плоскости наша культурная идентичность.

Само собой разумеется, что часто возникают случаи, при которых нас не удовлетворяет поведение другого человека, посредством чего он стремительно превращается из обычного персонажа – среди сотен тысяч других, встреченных нами на жизненном пути, в потенциального оппонента, в участника спора, возникающего вследствие нашего личного неудовольствия либо спровоцированного извне. Субъект конфликта может интерпретировать подобные ощущения как спонтанно возникшую неприязнь к другому лицу. Эти множественные стычки возникают именно в результате столкновения разных культурных идентичностей, которые и диктуют такую внезапную непереносимость и непримиримость с противоположной точкой зрения. Данные ситуации автоматически влекут за собой состояние фрустрации, когда человек не может добиться от оппонента мнения, схожего со своим, потому что столкновение это порождено глубинными смыслами, продиктованными принадлежностью людей к разным культурным сообществам. В этой связи нет ничего странного в том, что за пределами одной страны принятые в ней поведенческие установки вызывают недоумение и даже возмущение у граждан других стран [Кораблева, 2017]. Носители иных поведенческих конструкций и форм культурного самовыражения, оказавшись в новой среде, могут превратиться в маргиналов, которых отторгает окружающий мир.

Кросс-культурная коммуникация осуществляет различные функции, среди которых первая и основная, разумеется, – это передача информации между представителями одного или нескольких сообществ. Однако же, межкультурное взаимодействие также служит процессу программирования социальных групп на избрание поведенческой модели в рамках конфликта. При этом на пути изучения процесса корреляции конфликта и культуры возникает ряд трудностей. Это связано, прежде всего, с тем, что культура, по сути, представляет собой многослойный пирог, напластование множества смыслов и значений. Причем, подобно айсбергу, наиболее значительная часть которого скрыта под водой, внутреннее содержание

культурного понятия может быть так же спрятано под грудой поверхностных смыслов. Кроме того, если рассматривать культуру как одну из базовых величин в каждой реальности, то здесь мы имеем дело с величиной переменной. Более того, внутри культуры изначально заложен эффект непредсказуемости, поскольку переживаемую ею постоянную эволюцию невозможно спрогнозировать. Третья трудность заключается в том, что культура, будучи обязательным признаком, того или иного сообщества, должна восприниматься как эластичная: это связано с тем, что не все члены социокультурного сообщества готовы поддерживать абсолютно все принятые в нем правила, нормы и поведенческие установки. Четвертая причина связана с тем, что те мотивации, которые переживает человек в рамках взаимосвязи конфликт – культура, относятся к зоне бессознательного. Как следствие, возникает пятая причина, представляющая собой определенную сложность для исследователей: дело в том, что культурная идентичность индивида может проявляться по-разному, в зависимости от ситуации, в которой развивается конфликт, и предмета спора. При этом, фундаментальные культурные ценности, заложенные в индивидуальное и массовое сознание, могут уходить на второй план, а на первое место будут выдвигаться менее значимые, но важные для участия в данном конкретном конфликте, установки.

Необходимо констатировать, что для того, чтобы индивид мог осмыслить свою культурную идентичность, ему, прежде всего, необходимо ответить на два вопроса: кто я такой, и что является для меня по-настоящему важным. Ответы на эти вопросы являются ключевыми факторами, обуславливающими поведенческую линию человека внутри конфликта.

Невозможно не признать тот факт, что культура всегда будет играть важную роль в конфликте, потому что смыкания между людьми в рамках межкультурной коммуникации возникают посредством столкновения их культурных идентичностей. В свою очередь, идентификация возможна только после того, как человек ответит на вопрос о том месте, которое он занимает в этом мире. К примеру, конфликты между Азербайджаном и Арменией, Осетией и Ингушетией означают не только желание достичь результата в затяжном конфликте, в основе которого лежат территориальные притязания. В данном случае подводная часть айсберга – это стремление утвердиться в правильности своего собственного мировоззрения, обозначить степень легитимности своих действий в целом.

Постоянно возникают конфликты и среди таких категорий антагонистов, как отцы и дети, работники и работодатели. В первом случае мы имеем дело с различиями в культуре, присущей каждому из двух поколений, между которыми априори лежит пропасть; во втором – с характером деятельности каждой категории: одна из них руководствуется культурой подданнической, исполнительской, вторая – хозяйствующей, властвующей. Интересно, что для субъектов, которые входят в конфликт, находясь в нем по разные стороны баррикад, культура словно превращается в инструмент, который, с одной стороны, незримой и властной рукой управляет поведенческими установками человека, и с другой – позволяет ему через развивающийся конфликт бороться за удовлетворение собственных потребностей низшего уровня.

Однако же, стоит подчеркнуть, что разность культурных установок сама по себе не служит возникновению конфликта, хоть и влияет на этот процесс. Наоборот, человечество нуждается в том, чтобы на планете функционировали разные социальные системы, постоянно сталкиваясь между собой, находясь в вечном взаимодействии, выискивая всё новые каналы кросс-

культурной коммуникации. Этот процесс поддерживает общество изнутри, связывает его воедино, насыщает его витальностью.

При этом, если брать шкалу так называемых конфликтных социумов, то здесь мы имеем дело с тем фактом, что более устойчивыми признаются государства, где четко определены понятия «что такое хорошо и что такое плохо», «что можно и что нельзя». Для граждан таких стран, привыкших иметь дело с набором установок, продиктованных им доминирующей культурой, все иные модели поведения априори кажутся ненормальными и абсурдными, поскольку выходят за пределы классического понимания. Набор табу, принятых в каждом таком государстве, в данном случае упрощает жизнь граждан, поскольку не провоцирует их на мучительный поиск ответов, что можно и что нельзя: здесь нет места сомнениям и двусмысленностям, все принципы четко определены.

Учитывая всё вышесказанное, представляется странным, что в теоретических исследованиях конфликт-менеджмента культуре нередко отводится второстепенное значение, а порой ее влияние просто не рассматривается, сводясь на нет. При этом, если рассматривать столкновение двух субъектов, которые входят в конфликт, то внутри их поведенческой установки работает лишь лежащий на поверхности, ничтожно малый процент всего того невероятного культурного опыта, который был накоплен народом за время его становления.

Однако же, любой уважающий себя конфликтолог сегодня не может себе позволить рассматривать процесс разрешения конфликтов в отрыве от культуры. По сути, культурная идентичность человека заставляет его более яростно отстаивать свои убеждения в рамках спора. Таким образом, получается, что культура словно выступает лакмусовой бумажкой, усиливающей конфликт, провоцирующей индивида на усиление эмоционального выражения своих личных убеждений. Все это мешает человеку сохранять холодный рассудок в конфликте, мешает найти путь выхода из возникшей ситуации.

Если же говорить о стороннем наблюдателе конфликта, то здесь ситуация усложняется, поскольку вступает в силу собственная культурная идентичность человека: она настолько прочно закреплена в нем, что из-за этого он не может абстрагироваться от тех факторов, которые провоцируют двух других субъектов на столкновение.

В начале возникновения конфликта каждый человек выбирает для себя определенную линию поведения, которая ложится в основу выстраиваемой им коммуникации. Бывает так, что в конфликте неважен и сам диалог, и выговариваемая информация, а на первое место по значимости выходят дополнительные смыслы, интонация собеседников, та обстановка, в которой протекает беседа. Получается, что в ходе такой коммуникации происходит подмена важного второстепенным, и конфликтующие стороны старательно прячут свои истинные желания и страхи [Невлева, Кохан, 2016]. В этом смысле в ходе развития конфликта особое значение приобретают так называемые невербальные сигналы. Чаще всего такой сценарий развития ситуации возможен в том случае, если человек чувствует силу своего противника и в ходе спора старается не ударить в грязь лицом и при этом избежать прямого столкновения.

С другой стороны, когда в ходе коммуникации не происходит активного вовлечения в контекст, значение невербальных сигналов снижается. Противоборствующие стороны выражают свои мысли прямо, избегая неточностей и не тратя время на экивоки. В этом случае мы имеем дело с доминированием вербального стиля аргументации. С одной стороны, в ходе протекания такого конфликта собеседникам не нужно продираться сквозь нагромождение

смыслов и выискивать истину за напластованием множества слов и понятий, не имеющих, казалось бы, прямого отношения к делу. С другой стороны, такая форма конфликта может оказаться еще интенсивнее, потому что она провоцирует стороны на более агрессивное и прямолинейное отстаивание своей позиции. Интересно, что внутри одного конфликта вербальный и невербальный стиль коммуникации могут заменять друг друга на доминантной позиции. Собеседники, в зависимости от целей и задач, присущих конкретному моменту в ходе развития конфликта, могут прибегать к различным манипуляциям, использовать всевозможные техники воздействия на оппонента. Один человек может то хитрить, врать и лукавить, то неожиданно проявлять прямоту и откровенность. Это делается, в том числе для того, чтобы сильнее воздействовать на собеседника, вынудить его почувствовать растерянность, связанную с тем, что он не знает, чего ждать от противоборствующей стороны в следующую минуту. Такие технологии напрямую влияют на результат, к которому могут прийти стороны в итоге конфликта.

Если говорить о межличностной коммуникации, то здесь мы наблюдаем интересный феномен: принципы такого взаимодействия не будут переживать трансформацию вместе с усложнением системы отношений, вплоть до официальных переговоров, которые проводятся на межгосударственном уровне. Однако же, все мы знаем, что в диалоге культур Запад, скорее, будет придерживаться прямого характера беседы, не наполнять ее скрытыми смыслами. Восток же – «дело тонкое», а значит, здесь мы имеем дело с множеством контекстов и скрытых под темной водой частей айсберга. Однако же, несмотря на разность культурных идентичностей, их столкновение не обязательно должно привести к конфликту. Тут работает правило, согласно которому не все люди готовы принять достаточность мотивации для вовлечения в конфликт. Например, муж и жена, которые будут демонстрировать конфликт прилюдно, вызовут у стороннего наблюдателя опасения за благополучие этого брака, хотя для самих супругов этот словесный пинг-понг может не нести столь неприятного значения и протекать практически безболезненно, будучи в порядке вещей. Так же и в случае с государственными переговорами: сознательно озвученная провокация может не вызвать ожидаемой агрессивной реакции у собеседника, поскольку тот является носителем иной культурной идентичности.

Интересно, что уже в стародавние времена в вопросе разрешения конфликтов использовались те же методы, которые применяются и сегодня. К примеру, на племенном этапе развития цивилизации суд старейшины заменили институтом медиации. То есть, в разрешении спора принимало участие третье лицо. При этом медиатор мог быть как вовлеченным в ситуацию, так и разбирающимся в ней по ходу протекания конфликта. В этом случае для общества патриархального типа в качестве такого арбитра обычно приглашался человек, знакомый обеим сторонам, для общества открытого типа – наоборот, независимый судья. Но и в том, и в другом случае такой эксперт эпохи античности должен был прислушиваться к собственному культурному чутью в поиске решения конфликта.

У представителей различных культур подходы к решению конфликта тоже будут существенно отличаться друг от друга. Например, выделяются универсальные и частные подходы: первые руководствуются сводом законов и правил, вторые – модусами личных ожиданий и оценок. Также различают конкретные и диффузные конфликто разрешающие подходы: первые тяготеют к реальному результату и четким формулировкам, перехода от общего к частному, вторые – к подчеркиванию общих закономерностей, выявлению единых

стратегий и ключевых задач. Еще одна пара антагонистов – это внутренние подходы, при которых наиболее важным является собственное развитие, и внешние, когда целью является изменение места в мире и своих взаимоотношений с ним и его представителями. Кроме того, проводят черту между линейными и дисперсными подходами к разрешению конфликта: в первом случае имеет место последовательность во времени, во втором речь идет о многообразии альтернатив в произвольных точках бифуркации.

### Заключение

В итоге мы можем прийти к выводу, что в настоящее время конфликт невозможно рассматривать в отрыве от культурной идентичности, проявляющейся в индивидуальном и массовом сознании. Принадлежность к той или иной культурной среде, к той или иной социокультурной общности диктует в ходе развития конфликта формат ведения переговоров, способы кросс-коммуникации, поведенческие установки, пути поиска решений выхода из конфликта и т.д. При изучении конфликтных теорий необходимо учитывать культурные различия сторон, поскольку это поможет выработать механизмы, служащие разрешению споров.

### Библиография

1. Гатиатуллина Э. Р., Тхагапсоев Х. Г. Идентичность как категория социальной философии //Перспективы науки: научно-практический журнал. – 2013. – №. 10. – С. 49.
2. Дроненко Д. М. Национально-культурная идентичность как социально-философская проблема : дис. – Саратов : [Вологод. гос. тех. ун-т. Каф. философии], 2004.
3. Кессиди Ф. Х. Глобализация и культурная идентичность //Вопросы философии. – 2003. – №. 1. – С. 76-79.
4. Кораблева М.Д. Радость как ценностный компонент религиозных культур. // Культура и цивилизация. – 2017. – Выпуск 7. – С. 81-85.
5. Ляушева С. А., Нагой А. А. Влияние культурной политики на культурную идентичность //Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2014. – №. 4 (148).
6. Невлева И.М., Кохан Ж.С. Культура как система ценностей: психолого-культурологический экскурс. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия. Социология. Право. – 2016. – № 24. – С. 177-181.
7. Романова А. П. Культурная безопасность как предмет философских дискуссий //Гуманитарные исследования. – 2012. – №. 4. – С. 258-263.
8. Софронова Л.А. Культура сквозь призму поэтики. М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 13-15.
9. Швейцер А. Культура и этика. / пер. с нем. Н.А. Захарченко и Г.В. Колшанского. – М.: «Прогресс», 1973. – С. 26.
10. Шульгина Д. Н. Глобализация и культурная идентичность //ДН Шульгина. дис.... на соиск. уч. ст. канд. фил. н. – 2010.

### Cultural identity and conflict modalities

**Boris V. Kabylinskii**

Vice Provost of Science

Financial Academy of the Republic of Kazakhstan

050039, 11, Shokan Valikhanov str., Nur-Sultan (Astana), Republic of Kazakhstan;

boris\_kabylinskiy@mail.ru

Boris V. Kabylinskii

**Abstract**

Development of the theory and methodology of conflict management and implementation of technologies of solving contradictories have to be taken out with considering formation of cultural identity. In the administrative theory influence of cultural factors on dynamics of conflict processes is not fully studied is seldom revised during realization of practical measures in conflict management. Factors of culture genesis while defining the course of confrontation of conflict parties, cross-cultural channels of communication, classification of mechanisms of decision-making in the theory and practice of management of the conflicts are given in the article. At present, the conflict cannot be considered in isolation from the cultural identity that manifests itself in the individual and mass consciousness. Belonging to a particular cultural environment, to a particular socio-cultural community dictates the format of negotiations, methods of cross-communication, behavioral attitudes, ways to find solutions to the conflict, etc. When studying conflict theories, it is necessary to take into account the cultural differences of the parties, as this will help to develop mechanisms that serve to resolve disputes.

**For citation**

Kabylnskii B.V. (2020) Kul'turnaya identichnost' i konfliktnye modal'nosti [Cultural identity and conflict modalities]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 9 (3A), pp. 233-241. DOI: 10.34670/AR.2020.87.96.025

**Keywords**

Culture, conflict, discourse, identity.

**References**

1. Gatiatullina E. R., Thagapsoev H. G. Identity as a category of social philosophy //Perspectives of science: scientific and practical journal. – 2013. – №. 10. – P. 49.
2. Dronenko D. M. National-cultural identity as a socio-philosophical problem: dis. - Saratov: [Vologda state technical University. Univ. of philosophy], 2004.
3. Cassidy F. H. Globalization and cultural identity //Questions of philosophy. – 2003. – №. 1. – Pp. 76-79.
4. Korableva M. D. Joy as a value component of religious cultures. // Culture and civilization. - 2017. - Issue 7. - P. 81-85.
5. Lyausheva S. A., Nagoy A. A. Influence of cultural policy on cultural identity //Bulletin of the Adygeya state University. Series 1: regional Studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies. – 2014. – №. 4 (148).
6. Nevleva I. M., Kohan Zh. S. Culture as a system of values: psychological and cultural excursus. // Scientific Bulletin of the Belgorod state University. Philosophy. Sociology. Pravo. - 2016. - No. 24. - Pp. 177-181.
7. Romanova A. P. Cultural security as a subject of philosophical discussions // Humanities research. - 2012. - no. 4. - Pp. 258-263.
8. Sofronova L. A. Culture through the prism of poetics, Moscow: Languages of Slavic cultures, 2006, Pp. 13-15.
9. Schweitzer A. Culture and ethics. / TRANS. with him. N. A. Zakharchenko and G. V. Kolshansky. - M.: "Progress", 1973. - P. 26.
10. Shulgina D. N. Globalization and cultural identity //DN Shulgin. dis.... for the academic degree of candidate of Phil. n. - 2010.